

КЪ ДѢЛУ О ЦАРЕВИЧѢ АЛЕКСѢѢ ПЕТРОВИЧѢ¹⁾.

Въ концѣ Юня 1718 года, по указу Царя Петра Алексѣевича, повелѣно было взять въ С.-Петербургъ „для допросу“ Кіевскаго митрополита Іоасафа Краковскаго²⁾, по розыскнымъ дѣламъ.

За митрополитомъ поручено было съѣздить гвардіи капитану Богдану Скорнякову-Писареву. Онъ немедленно отправился въ Кіевъ, взялъ престарѣлаго владыку и также спѣшно направился обратно въ Петербургъ.

Вмѣстѣ съ митрополитомъ была взята Скорняковымъ-Писаревымъ найденная при немъ довольно обширная личная переписка, при чемъ письма при выемкѣ не разбирались, а брались всѣ подрядъ. Пересмотръ и разборъ ихъ предполагалось сдѣлать въ Петербургѣ.

Но до Петербурга престарѣлому митрополиту не суждено было доѣхать: 1-го Юля въ Твери онъ умеръ. По докладу о томъ Скорня-

¹⁾ Предлагаемая статья взята изъ приготовляемаго изданія подъ заглавіемъ: „Очерки по исторіи Русской церкви и просвѣщенія въ первой четверти XVIII-го вѣка“. Она написана по дѣламъ Коллегіи Экономіи и Монастырскаго Приказа, хранящимся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи.

²⁾ Поводомъ ко взятію Кіевскаго митрополита въ С.-Петербургъ для допроса по розыскнымъ дѣламъ, вѣроятно, послужило слѣдующее обстоятельство. 25 Юня 1718 года, на пыткѣ, царевичъ Алексѣй сказалъ, что онъ писалъ письма къ Кіевскому митрополиту, предлагая ему принять мѣры къ возмущенію мѣстнаго населенія, чтобы путемъ народнаго возстанія проложить себѣ дорогу къ Россійскому престолу. Конечно, такое показаніе Царевича и заставило слѣдственную власть немедленно привлечь къ допросу такую важную особу.

кова-Писарева, Царское Величество указалъ совершить погребеніе умершаго владыки въ Твери „какъ обыкновенно“. Погребеніе, по чину архіерейскому, было совершено 24 Августа, въ соборной церкви города Твери, преосвященнымъ Варлаамомъ, епископомъ Тверскимъ, „со архи-мандриты и игумены и со всѣмъ освященнымъ соборомъ“.

Неожиданная кончина митрополита Іоасафа вызвала вопросъ, какъ поступить съ оставшимися послѣ него „пожитками“, а также и съ отобранными у него письмами. По приказанію Царя, „пожитки“ умершаго владыки должны были пойти „въ расходъ на погребеніе тѣла его“, а „бывшихъ при немъ служителей“ повелѣвалось отпустить назадъ въ Кіевъ. Чтò касается писемъ, то, съ цѣлью розыска, къ разбору ихъ приступили тотчасъ по смерти митрополита, не дожидаясь его погребенія. Разборка личной переписки умершаго естественно наводила иногда слѣдственную власть на такія явленія, которыя не имѣли прямого отношенія къ дѣлу, но которыя не могли не обращать на себя вниманія лицъ, руководившихъ розыскомъ. Въ такихъ случаяхъ слѣдственная власть возбуждала особыя дѣла, вчиняла новыя разслѣдованія.

Между прочимъ, въ числѣ писемъ оказалась одна „цыдуля“ къ усопшему владыкѣ отъ іеромонаха Гедеона Вишневаго, бывшаго въ то время учителемъ Славяно-греко-латинской академіи въ Москвѣ. Эта цыдуля показала предосудительною и „неприличною“ для лица въ положеніи, какое занималъ Гедеонъ Вишневскій. Поэтому слѣдственная власть сочла своимъ долгомъ попутно начать дѣло о цыдулѣ іеромонаха Гедеона къ митрополиту Іоасафу.

19 Іюля Петръ Толстой, руководившій розыскомъ по дѣлу царевича Алексѣя, писалъ графу Ивану Алексѣевичу Мусину-Пушкину, находившемуся во главѣ Монастырскаго Приказа:

„Мой государь, графъ Иванъ Алексѣевичъ.

По разбору, въ письмахъ Кіевскаго архіерея явилась при письмѣ іеромонаха Гедеона Вишневаго, который нынѣ въ Москвѣ, къ нему архіерею цыдуля о вѣдомостяхъ, гдѣ Его Царское Величество обрѣтается, и объ отъѣздѣ изъ Россіи царевича Алексѣя Петровича и о другихъ дѣлѣхъ, съ которой (цыдули) при семъ для лучшаго вамъ извѣстія копія прилагается, что имъ весьма неприлично и не надлежитъ о такихъ дѣлѣхъ писать. Того для изволите приказать того іеромонаха въ Москвѣ сыскать и объ ономъ ему и другимъ учителемъ

сказать, чтобъ они впредъ ни къ кому межъ себя о такихъ неприличныхъ имъ дѣлѣхъ не писали, за что могутъ истязаны быть жестоко.

Слуга вашъ *Петръ Толстой*.

Июль, 19 день, 1718. Въ Санктъ-Петербургѣ“.

Въ приложенной при письмѣ копіи написано было слѣдующее:

„При настоящемъ письмѣ въ цыдулѣ къ архіерею Кіевскому монахъ Гедеонъ Вишневскій отъ 4 Апрѣля 1717 года изъ Москвы по-латинѣ пишеть:

Вѣдомости.

P.S. „Его Царское Высочество, купно съ Государынею Царицею, по сіе время умедлевають въ Амстердамѣ, и не надѣются Ихъ Величествъ въ Санктъ-Петербургъ сего лѣта.

Его Величество Алексѣй Петровичъ, отпустивъ весь дворъ свой къ Москвѣ, поѣхалъ съ государства. Сказываютъ, что былъ въ Вѣнѣ и въ Римѣ. А куда заподлинно поворотилъ, или гдѣ обрѣтается, по сіе время неизвѣстно.

Войска Россійскія отсюду собираются къ границамъ своимъ, для того, что зимовая ихъ станція вельми досадна была въ Помераніи и Мекленбургіи.

Пристань Ревельскую, великимъ коштомъ Царскимъ сдѣланную, волненіе морское мало не всю разбило, при которой шесть кораблей оторвало.

Преосвященный Рязанскій по сіе время обрѣтается въ Москвѣ, который чрезъ два мѣсяца уже зѣло боленъ есть.

Пречестному отцу Прокоповичу назначено въ Псковскую епископію, хотя въ живыхъ еще и первый старый архіерей, который изъ Пскова въ село недалече, хотя и отѣхалъ, однакожь отъ епископіи отлучиться весьма не хочетъ, хотя и повторный уже указъ есть Царскаго Величества, что быть ему на митрополіи Сибирской“.

На первый взглядъ можетъ показаться, что въ приведенной „цидулѣ“ нѣтъ ничего особеннаго и ничего такого, что могло бы быть „неприличнымъ“ для лицъ духовнаго званія. Въ „цидулѣ“ сообщаются достовѣрныя свѣдѣнія и приводятся слухи, дѣйствительно ходившіе въ

то время въ обществѣ. Здѣсь нѣтъ ни лжи, ни сознательнаго обмана, ни обнаруженія государственныхъ тайнъ. Повидимому, не было никакихъ основаній считать эту „цыдулю“ предосудительною. Но если принять во вниманіе тогдашнее *настроenie* Петровскаго правительства, если припомнить всю остроту непріязни между Петромъ и духовенствомъ, которая особенно была замѣтна въ это именно время, то для насъ станетъ понятнымъ подозрительное отношеніе слѣдственной власти къ „цыдулѣ“ іеромонаха Гедеона Вишневскаго.

26 Іюня, послѣ учиненнаго въ присутствіи Царя застѣвка, въ Трубецкомъ раскатѣ Петропавловской крѣпости въ гарнизонѣ, скончался царевичъ Алексѣй Петровичъ*). Многолѣтняя драма завершилась ужаснымъ финаломъ. Впечатлѣніе розыска еще было очень свѣжо. Загадочная смерть Царевича не могла успокоить какъ правительственную власть, такъ и общественное сознаніе. При такомъ настроеніи правительственной власти всякое ея подозрѣніе даже къ призраку, къ отдаленному намеку было вполне естественно.

Розыскъ, приведшій къ смерти царевича Алексѣя, ясно обнаружилъ значеніе духовенства въ его дѣлѣ. Не даромъ Петръ, когда все уже было выяснено, говорилъ Толстому: „Ой, бородачи! Многому злу корень старцы и попы; отецъ мой имѣлъ дѣло съ однимъ бородачемъ, а я съ тысячами“. Духовенство своимъ сочувствіемъ къ Царевичу питало въ немъ то, что было такъ ненавистно для Петра. И никогда еще, ни прежде, ни послѣ, Петръ не чувствовалъ такой вражды къ духовенству, какъ именно теперь, у свѣжей еще могилы своего несчастнаго сына. Это настроеніе Царя, конечно, передается и его правительству. Правительство и духовенство въ это время стояли другъ передъ другомъ, какъ два непримиримѣйшихъ врага. Духовенство во всемъ видѣло только дурное, старалось сгустить краски, насколько это было возможно. Конечно, это дѣлалось не открыто, не смѣлымъ и гордымъ выступленіемъ. Вражда таилась въ складкахъ монашескихъ рясъ и клобуковъ, видимость которыхъ не внушала собственно никакихъ опасеній. Для правительства борьба съ такимъ настроеніемъ была особенно тяжела, такъ какъ никогда не давала увѣренности въ его окончательномъ искорененіи.

*) Лишь очень недавно въ колокольнѣ Петропавловской крѣпости найденъ гробъ царевича Алексѣя Петровича. Его дѣло въ теченіи цѣлаго столѣтія окружено было тайною. Оно хранилось въ архивѣ 1-го баталіона Преображенскаго полка, и его открылъ князь С. М. Воронцовъ, когда командовалъ этимъ баталіономъ. П. Б.

„Цыдуля“ Гедеона Вишневецаго, повидимому, была безхитростнымъ изложеніемъ дѣйствительныхъ событій; но присмотритесь къ ней внимательнѣе, задавъ себѣ вопросъ о томъ, почему только объ этихъ событіяхъ находить нужнымъ сообщить іеромонахъ Гедеонъ, несомнѣнно опуская рядъ другихъ явленій, не менѣе обращающихъ на себя вниманіе сторонняго наблюдателя,—и для васъ станетъ ясно то скрытое настроеніе, которымъ проникнута „цыдуля“. Все нехорошо по мысли писавшаго ее: вездѣ плохо, куда ни посмотрѣть. Царя нѣтъ въ Россіи, по сіе время умедливаетъ въ Амстердамѣ. Царевичъ Алексѣй скрылся, бѣжавъ изъ государства; многолѣтняя война со Швеціей затягивается все дальше, войска испытываютъ мученія отъ безпрестанныхъ передвиженій и ужасныхъ условій; Ревельскую пристань, стоившую великихъ трудовъ и денегъ, чуть не смыло морское волненіе, уничтожившее при этомъ шесть кораблей; Стефанъ Яворскій продолжаетъ быть не въ чести, онъ все еще проживаетъ въ Москвѣ, не принимая участія непосредственно въ дѣлахъ управленія Русскою церковью; Теофана же Прокоповича назначаютъ на Псковскую епископскую кафедру, не стѣсняясь тѣмъ, что тамъ есть епископъ, котораго стараются ради Теофана убрать въ Сибирь. Писавшій „цыдулю“ отъ себя ничего не говоритъ, но его мысль ясна и проникнута горькой ироніей къ тому, что совершается кругомъ. Его „цыдуля“ и безъ поясненій должна вызывать грустныя думы въ читателѣ и будить въ немъ недобрыя въ отношеніи правительственной власти чувства. А это, конечно, предосудительно. Но это еще не все. „Цыдуля“ была обращена къ Кіевскому митрополиту, къ которому, Царевичъ писалъ письма, какъ обнаружилъ на пыткѣ 25 Іюня, чтобы тамъ въ Кіевѣ привести къ возмущенію народъ съ цѣлью такимъ путемъ завладѣть престоломъ. „Цыдуля“ къ такому человѣку и такого именно положенія несомнѣнно заключала въ себѣ нѣчто больше, нежели то, что говорило о ней первое впечатлѣніе. Оставить ее безъ всякаго вниманія для слѣдственной власти не представлялось возможности. Наконецъ, развѣ дѣло монашеское сообщать и заниматься тѣмъ, что служить содержаніемъ „цыдули“? Тутъ политика, а не аскетика. Монаху не слѣдъ заниматься политикою; ему нужно заботиться о душевномъ спасеніи, а не о мірскихъ дѣлахъ.

Получивъ отъ Петра Андреевича Толстого приведенное выше письмо, графъ Мусинъ-Пушкинъ безъ замедленія старается исполнить заключавшееся въ немъ предписаніе. 25 Іюля онъ подписываетъ приказъ слѣдующаго содержанія:

„1718 года, Іюля въ 25 день, по указу Великаго Государя, тайный совѣтникъ, графъ Иванъ Алексѣевичъ Мусинъ-Пушкинъ приказалъ

въ Москвѣ Ѳеодору Поликарпову, Спасскаго монастыря, что за иконнымъ рядомъ, архимандриту Ѳеофилакту Лопатинскому, Славенолатинскихъ школъ учителю іеромонаху Гедеону Вишневному и другимъ тѣхъ школъ учителемъ сказать Его Великаго Государя указъ съ запискою и съ приложеніемъ рукъ, дабы они впредь ни къ кому о такихъ вѣдомостяхъ, которыя объявлены въ присланной копіи и о иныхъ неприличныхъ имъ дѣлѣхъ отнюдь не писали. А ежели отъ нихъ отъ кого явятся впредь о такихъ дѣлѣхъ или къ тому приличныхъ какія къ кому письма, и за то они истязаны будутъ жестоко. И вышеписанную съ приложеніемъ рукъ записку прислать въ Канцелярію Сената съ доношеніемъ. И о томъ ко оному Поликарпову послать Его Великаго Государя указъ и съ выписанной вѣдомости копію“.

Означенный указъ былъ изготовленъ въ тотъ же день, 25 Іюля. При указѣ приложена и копія съ „цыдули“. Но въ Москвѣ указъ былъ полученъ лишь 8 Августа.

Ѳеодоръ Поликарповъ, получивъ указъ, немедленно приступилъ къ его исполненію. Первоначально, вѣроятно, онъ только устно сообщилъ содержаніе указа всѣмъ лицамъ, которыхъ онъ касался. А затѣмъ имъ было составлено подробное доношеніе въ Канцелярію Сената, гдѣ, изложивъ съ буквальною точностью указъ Великаго Государя и приведя при этомъ копію „цыдули“, писалъ слѣдующее:

„И по тому Его Великаго Государя указу, Спасскаго монастыря, что за иконнымъ рядомъ, архимандриту Ѳеофилакту Лопатинскому, Славянолатинскихъ школъ учителю іеромонаху Гедеону Вишневному и другимъ тѣхъ школъ учителемъ Его Великаго Государя указъ съ запискою сказанъ и съ приложеніемъ рукъ ихъ подъ симъ вѣдніемъ изъ Приказу книгъ печатнаго дѣла для вѣдома въ Канцелярію Сената послано“. Доношеніе по листамъ скрѣплено подписью Ѳеодора Поликарпова. Въ концѣ же его идутъ собственноручныя подписи лицъ, къ которымъ относился указъ. Указъ слушали и руку приложили:

Архимандритъ Ѳеофилактъ Лопатинскій.
 Іеромонахъ Гедеонъ Вишнѣвскій.
 Іеромонахъ Иннокентій Колчицкій.
 Гедеонъ Грембецкій.
 Іеромонахъ Рафанлъ Заборовскій.
 Іоасафъ Туркевичъ.
 Григорій Мокрицкій.
 Давидъ Скалуба.

Такъ окончилось дѣло о „цыдулѣ“.

Н. Г. Высоцкій.